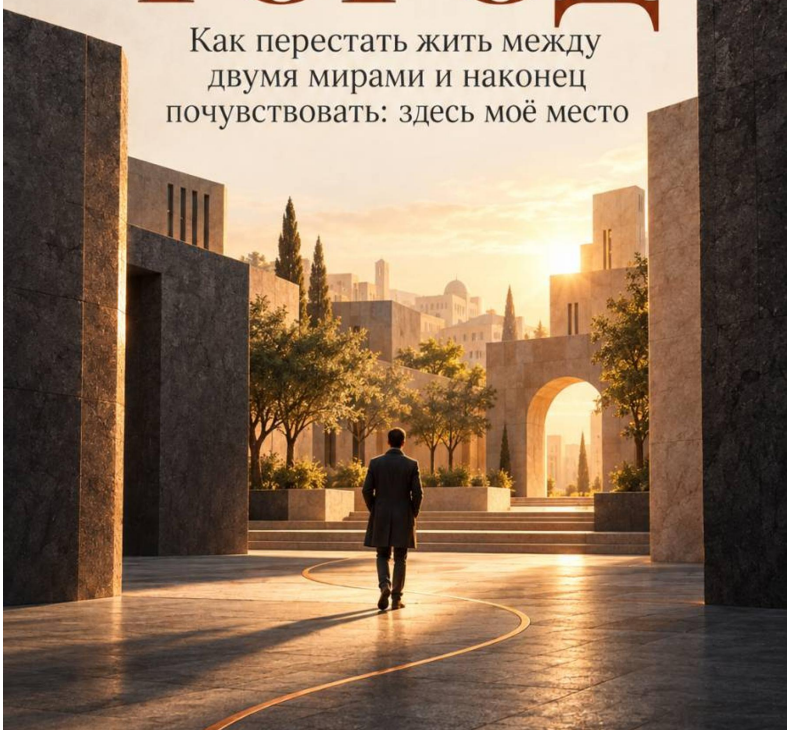
АЛЕКСЕЙ ШОКУН

СЕРИЯ «ЧУЖАЯ ЖИЗНЬ»

КНИГА 8

СВОЙ ГОРОД

Как перестать жить между двумя мирами и наконец почувствовать: здесь моё место



Шокун Алексей

Свой Город. Как перестать жить между двумя мирами и наконец почувствовать: здесь моё место

https://litres.ru/74700017
SelfPub; 2026

Аннотация

Ты работаешь, платишь за квартиру, знаешь ближайшие улицы наизусть. Но всё ещё говоришь себе: «Я здесь временно». И это «временно» длится годами.

Можно жить между двумя странами и не строить полноценную жизнь ни в одной. Откладывать знакомства, покупки, лечение, планы — до момента, когда наконец определишься. Алексей Шокун предлагает посмотреть, сколько стоит такое ожидание, какие связи делают место своим и как отделить собственные желания от привычки всё время держать чемодан собранным.

«Свой город» завершает серию «Из ниоткуда». Это книга о принадлежности, выборе места для жизни и праве перестать считать настоящее черновиком. Личный опыт и упражнения помогут увидеть, где ты уже пустил корни, а где лишь проводишь время. Практическая часть была упорядочена в

ходе редакционной работы с применением в том числе ИИ-инструментов.

Может быть, свой город — не тот, который ты ищешь, а тот, в котором наконец разрешишь себе жить?

Содержание

От автора 5
Глава 1. «Между» — это не место, а режим 6
Глава 2. Вахта, а не жизнь 17
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Шокун Алексей
Свой Город. Как перестать жить между двумя мирами и наконец почувствовать: здесь моё место

Серия «Из ниоткуда». Книга 8 из 8.

Шокун Алексей Владимирович

От автора

В книге я делюсь личными наблюдениями и упражнениями, которые помогают обдумать, где и как хочется жить. Это не универсальная инструкция по переезду: обстоятельства, документы и возможности у каждого различаются. Вопросы правового статуса и иных официальных требований следует проверять отдельно.

Глава 1. «Между» — это не место, а режим

Ты можешь назвать день, когда уехал, и не можешь назвать день, когда понял, что остался. У меня с этим тоже не было даты. Были годы, когда на вопрос «где ты живёшь» я сначала уточнял, что человек имеет в виду: где я сплю в этом месяце, где работаю, где платят налоги, где родители, где лежат вещи. Ответов получалось несколько, и все они были верными. Именно так режим и обнаруживает себя: слово «живу» перестаёт иметь один адрес и начинает требовать пояснений, как термин в чужом разговоре.

Внешне всё выглядело прилично. Я снимал жильё, ходил на работу, платил по счетам, поздравлял родных с праздниками с поправкой на разницу часов. Но если присмотреться к вещам, становилось видно другое. Сумка не разбиралась до конца: в ней всегда оставался набор на случай дороги — зарядка, документы, смена белья. Мебель я покупал так, чтобы её можно было отдать или оставить. Посуды было ровно на двух человек, потому что на четверых казалось самонадеянным. Я не заводил ничего, что требует срока: ни животного, ни растений, которые жалко бросить, ни привычки, из-за которой трудно уехать.

Это было следствием не бедности, хотя бедность в те годы

тоже была. Это был способ жить, в котором всякое обустройство читалось как обязательство, а обязательство — как возможная ошибка. Пока оба варианта открыты, покупка шкафа означает, что ты выбрал. Шкаф — слишком дорогой способ признаться. И человек живёт с полкой, на которой лежит всё, что не жалко оставить.

Такой режим редко замечают изнутри, потому что он не болит. Он не похож на кризис: ничего не рушится, работа идёт, разговоры идут, планы висят. Он похож на период. И слово «период» — самое опасное в нём, потому что у периода по определению есть конец, а у режима конца нет. Режим держится собственной устойчивостью: он умеет воспроизводиться годами, не требуя ни одного решения, и каждый следующий год обходится дешевле по усилиям и дороже по цене.

Я прожил в нём дольше, чем готов признать. Внутри у меня всё было разложено на две половины. В одной оставались работа, язык, маршрут, люди, с которыми можно говорить о деле. В другой — родные, город детства, ощущение, что я вернулся в собственную жизнь с опозданием. Я не выбирал между половинами, потому что каждый выбор выглядел как отказ от чего-то живого. И я называл это осторожностью. Осторожность действительно была, но она давно перестала быть причиной и стала оправданием, удобным тем, что его невозможно проверить.

Полезно понять механику, потому что без неё всё сво-

дится к разговору о характере, а характер тут почти ни при чём. Первый механизм — обесценивание. Пока два варианта открыты, любой шаг в одном направлении обесценивает другой. Ты вкладываешься в работу на месте — и слышишь внутренний голос: зачем, если уедешь. Ты вкладываешься в связи там — и тот же голос говорит: зачем, если останешься. В итоге человек перестаёт вкладываться везде, где вложение необратимо, и живёт на минимальном вкладе, который можно быстро свернуть. Через несколько лет такого минимального вклада у него нет ни там, ни здесь ничего, что держало бы.

Второй механизм — слово «время». Пока решение отложено, всё делается на время: жильё на время, работа на время, отношения на время, даже врач на время. Временное обычно дешевле и хуже. Рассчитано оно на месяц, а живёт пять лет. Отсюда бытовые мелочи, которые потом складываются в общее ощущение неустроенности: съёмная квартира с чужой мебелью, работа ниже своих умений, дружба на уровне «поздороваемся», отложенное лечение зубов, отложенная учёба, отложенный ребёнок, отложенная собака. Каждая мелочь объяснима, и каждая по отдельности не стоит разговора. Вместе они образуют жизнь, которую никто бы не выбрал сознательно, если бы увидел её целиком на одном листе.

Третий механизм — надежда. Режим даёт человеку то, чего не даёт решение: он оставляет возможность, что всё сложится само. Не нужно выбирать, не нужно платить, не нуж-

но объясняться. Достаточно ждать удобного момента, когда один вариант сам себя докажет, а другой отпадёт по обстоятельствам. Такой момент не наступает, потому что обстоятельства не обязаны складываться в чью-то пользу. Но надежда на него держит крепче любого плана: она ничего не требует и при этом приятна. Именно поэтому люди остаются в режиме по расчёту. Просто расчёт этот посчитан неверно: в нём пропущена строка расходов.

Верный расчёт начинается с цены. С простого перечисления того, что режим забирает каждый год, без драмы и без самобичевания. Первое — качество жилья и работы: и то и другое выбирается по признаку «легко свернуть». Второе — глубина связей: дружба, которая может закончиться переводом, редко доходит до того уровня, где человек звонит в три часа ночи. Третье — тело: отложенные врачи, отложенный сон, отложенная привычка двигаться. Четвёртое — время с близкими, которое не возвращается и не компенсируется деньгами. Пятое — профессиональный темп: годы «пока что» не засчитываются ни в опыт, ни в стаж, ни в уверенность.

Шестую цену замечают позже всех, хотя платят её ежедневно. Это постоянный внутренний перебор. Режим требует непрерывного счёта: где лучше, где правильнее, где я буду счастливее, что скажут, а что будет через десять лет. Такой счёт идёт фоном, отнимает силы и не даёт ничего, кроме усталости. Человек думает, что работает над решением.

На самом деле он платит налог на нерешённое, и налог этот взимается каждый день, независимо от дохода, настроения и времени года.

Отдельно стоит сказать о том, как этот режим выглядит со стороны и почему окружающие его не видят. Со стороны человек устроен нормально: у него есть адрес, работа, телефон, он приезжает в гости и говорит о планах. Он даже кажется свободнее других, потому что у него нет обременений — ни квартиры в долг, ни гаража, ни обязательств на десять лет вперёд. Свобода эта настоящая, но у неё есть особенность: она держится на том, что человек ничего не построил. И в тот день, когда ему нужна помощь, помочь оказывается некому, потому что помощь приходит от тех, кто вложился в место, а он не вкладывался.

Здесь важно различить две вещи, которые внешне похожи. Одно дело — настоящая жизнь на два места: работа в одном городе, семья в другом, и человек сознательно выбрал такую конфигурацию, знает её сроки, стоимость и условия. Другое дело — режим, в котором два места существуют потому, что выбор отложен. Отличает их наличие решения; количество переездов тут ни при чём. В первом случае человек может сказать, что он строит и зачем. Во втором он говорит «пока так», и это «пока» длится годами, а потом незаметно переходит в «уже поздно».

Про «уже поздно» надо сказать честно, потому что это самый частый довод в пользу того, чтобы ничего не менять.

Он звучит разумно: возраст, язык, конкуренция, потерянный темп. Но проверка у него простая. Возраст действительно влияет на одни вещи и почти не влияет на другие. Он мешает начинать профессию с нуля в сорок, и он почти не мешает налаживать круг, доводить язык до рабочего уровня, менять район, устраивать быт, закрывать сожаления. Люди, которые говорят «поздно», обычно имеют в виду одно конкретное действие, самое дорогое, и распространяют его на всё остальное. Когда раскладываешь по пунктам, «поздно» съёживается до размеров одной строки, и с этой строкой уже можно что-то делать.

Есть ещё одна особенность режима, о которой говорят мало. Он отлично объясняет неудачи и портит удачи. Когда что-то не получается, режим подставляет готовое объяснение: здесь не мой город, здесь мне не быть своим, здесь всё устроено против меня. Объяснение удобное, потому что снимает ответственность, и вредное, потому что закрывает вопрос. А когда что-то получается — работа, знакомство, хороший день, — режим обесценивает и это: временно, случайно, не считается. Так человек годами не засчитывает себе ни одного достижения, и его самооценка держится на нуле из-за бухгалтерии, в которой приход не записывают.

Проверить себя просто, и для этого есть первое упражнение книги — «Опись между». Оно делается на одном листе, за один вечер, без чужого участия. Ниже — порядок, по которому его удобно вести, и порядок здесь важен: если менять

шаги местами, упражнение превращается в жалобу.

Шаг первый. Напиши, сколько лет длится то состояние, в котором ты сейчас. Считай не годы в стране. Считай, сколько лет ты живёшь с ощущением, что окончательно не решил. Если трудно вспомнить начало, вспомни последний момент, когда тебе казалось, что вот-вот определишься. Это и будет точка отсчёта, и она почти всегда оказывается раньше, чем думаешь.

Шаг второй. Выпиши, что отложено. По списку, без общих слов: жильё, работа, учёба, лечение, дети, животное, ремонт, смена профессии, разговор с родителями, разговор с человеком, с которым живёшь. Рядом с каждым пунктом поставь год, когда ты впервые подумал, что это надо решить. Разница между этим годом и текущим и есть то, что режим у тебя забрал. Забрал он это в момент первой отсрочки. Потеря случилась позже, и в этом весь фокус.

Шаг третий. Напиши, что тебя удерживает. Здесь нужна честность, потому что обычно называют благородные причины, а держат совсем другие. Раздели лист на три части: люди, дело, страх. В части «люди» — те, кого ты не хочешь оставить или к кому хочешь вернуться. В части «дело» — работа, язык, документы, деньги. В части «страх» — всё, что начинается со слов «а вдруг»: а вдруг сорвётся, а вдруг будет хуже, а вдруг я пожалею, а вдруг надо было раньше. У большинства в третьей части оказывается больше пунктов, чем в первых двух, и это уже результат упражнения.

Шаг четвёртый. Отдели то, что закроется само, от того, что не закроется никогда. Само закрывается почти ничего, но люди продолжают на это рассчитывать: «дети подрастут — станет ясно», «родители привыкнут», «работа сама покажет», «здоровье наладится, когда будет спокойнее». Не закрывается ничего из того, что требует твоего участия: язык, работа, круг, отношения, тело.

Шаг пятый. Посчитай цену года. Возьми следующий год конкретно: что именно не случится с тобой за эти двенадцать месяцев, если ничего не изменится. Запиши пять пунктов, которые жалко. Это и есть счёт, который режим предъявляет ежегодно, и он обычно больше, чем кажется, пока его не напишешь своей рукой.

Шаг шестой. Перечитай лист через сутки и отметь один пункт, который можно закрыть в течение месяца, не переезжая и ничего не решая окончательно. Пусть он будет не самый важный. Важно другое: он доказывает, что движение возможно внутри режима. Первое действие почти всегда бытовое: сходить к врачу, записаться на курс, починить то, что сломано, позвонить человеку, с которым не говорил год. Смысл здесь не в самом пункте. Смысл в том, что ты перестаёшь быть человеком, который только думает.

Приведу пример, не свой, чтобы было видно, как это выглядит на бумаге. Человек живёт в чужой стране восьмой год, работает по найму, снимает жильё, родные — за двумя границами. В графе «сколько лет» он честно пишет восемь,

хотя думал, что три. В графе отложенного оказываются: своя квартира — отложена на «после решения», второе образование — на «когда пойму, где буду», лечение спины — на «потом», разговор с матерью о том, что он не вернётся, — на «после». Удерживает его, как выясняется, страх: если признать решение, потеряется право передумать. Когда он это увидел, ему стало легче. Право передумать никто не отбирал. А цена ожидания оказалась больше цены ошибки. Это уже счёт, и настроение в нём не участвует.

Есть в этом листе место, которого я сначала не ожидал. Почти у каждого в графе «что удерживает» находится пункт, который человек не писал сам. Он взят из разговора: «там же лучше для детей», «а родители?», «в твоём возрасте уже поздно начинать». Такие пункты узнаются по формулировке — гладкой, общей, без единого твоего дня внутри. Проверка простая: вспомни, случалось ли это с тобой лично или только с кем-то, о ком ты слышал. После этой проверки список становится короче и злее, зато он твой, и с ним можно работать, потому что за каждым пунктом стоит конкретная жизнь, а не чужое мнение, пересказанное за ужином.

Есть ещё один пункт, который стоит вписать отдельной строкой, потому что он не про потери и не про страхи. Это вопрос, который человек задаёт себе реже всего: а что я, собственно, хочу построить? Вопрос не про «где жить». Он про то, что должно быть в моей жизни через пять лет, чтобы я считал её своей. Вопрос кажется большим и потому беспо-

лезным, но у него есть практичная форма. Напиши три вещи, которые должны быть в твоём обычном вторнике через пять лет: где ты просыпаешься, чем занят до обеда, с кем ужинаешь. Три ответа, конкретных до бытовых деталей. Дальше посмотри, в каких городах и странах этот вторник возможен, а в каких — нет. Часто оказывается, что он возможен в четырёх местах, и ни одно из них не то, между которыми ты мечешься. А иногда оказывается, что он возможен ровно там, где ты уже живёшь, и тогда весь перебор был не про географию.

Это не упражнение на мечту и не визуализация. Это проверка на совпадение: место, в котором твой вторник невозможен, не станет твоим, сколько бы лет ты в нём ни прожил. И наоборот: место, где вторник складывается сам, держит крепче любых доводов о климате и зарплате, потому что его держит повторяемость.

Тут же становится видна и другая вещь, которая многих отрезвляет. Люди часто сравнивают два разных возраста, принимая их за два города. В одном варианте они представляют себя сегодняшнего, уставшего, с долгами и без языка. В другом — себя через десять лет, спокойного, с работой и кругом. Такое сравнение всегда проигрывается в пользу будущего, потому что оно сравнивает настоящее с мечтой. Честнее сравнивать одинаковое с одинаковым: себя сегодняшнего там и себя сегодняшнего здесь, а потом себя через пять лет там и себя через пять лет здесь. Второй заход

почти всегда меняет картину, и меняет её в сторону, которую человек не ожидал.

Чего эта опись не делает. Она не определяет, где жить, и не заменяет решения. Она не снимает страха и не обещает, что после неё станет спокойно. Её задача скромнее: превратить туманное «я как-то между» в список, у которого есть годы, пункты и вес. Со списком можно работать. С туманом нельзя, потому что туман не имеет края, за который берутся.

О границах. Эта книга — про личные критерии, а не про документы, статус и право на въезд: там нужен профильный специалист, и никакой личный опыт его не заменяет. И ещё одно: если состояние «между» держится годами и мешает спать, работать, есть, если тоска не отпускает месяцами, это уже повод поговорить со специалистом. Разница простая: режим поддаётся разбору, а затяжное тяжёлое состояние — нет, и его не нужно лечить списками, планами и силой воли.

Второй шаг — посмотреть, что именно ты построил в каждом из двух вариантов, раз режим держится на том, что оба открыты. Чаще всего выясняется неприятное: в одном месте у тебя дела и связи, а в другом — работа, дорога и сон. И это второе называется вахтой, даже если длится годы и внешне выглядит как жизнь.

Глава 2. Вахта, а не жизнь

Есть простой вопрос, который в своё время поставил меня в тупик. Что останется в этом городе, если я из него уеду? Именно останется, а не уедет со мной: какие дела придётся кому-то передавать, какие люди заметят, что меня нет, какие обязательства нельзя закрыть одним письмом. Я сел отвечать и обнаружил, что ответ короткий. Останется договор за комнату, счёт за свет и, пожалуй, всё. Работа закрывалась заменой за неделю, знакомые были приятные, но не такие, чтобы звонить им первыми, а маршрут — работа, магазин, комната — не составлял гор

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.